

Тань Чжифэн тут же воспользовался возможностью сменить тему и в шутку сказал ему:

— Почему тебе так нравится готовить? Разве древние не говорили: «Благородный муж держится подальше от кухни»? Впредь я буду заниматься такими делами, а ты лучше уделяй больше времени учёбе.

— Учёба зависит от таланта, — равнодушно ответил Сюй Гань. — К тому же, какая связь между умением готовить, чтобы прокормить себя или семью, и тем, благородный ты муж или нет.

На лице Сюй Ганя снова промелькнула едва заметная улыбка. Тань Чжифэн смотрел на него, и ему казалось, что его сердце снова пропустило удар.

К счастью, Сюй Гань не стал дальше расспрашивать Тань Чжифэна о том, где тот «учился своему ремеслу». Он уже некоторое время месил тесто по методу Тань Чжифэна, но непослушный ком на этот раз поставил его в тупик:

— Это тесто... почему оно всё ещё такое твёрдое?

— Возьми миску и накрой, — сдерживая смех, сказал Тань Чжифэн и, найдя большую белую фарфоровую миску, протянул ему. — Это называется «пробудить тесто». Когда мы с силой его месили, все волокна клейковины в тесте сцепились вместе, поэтому оно, конечно, очень твёрдое. Нужно дать ему немного отдохнуть, чтобы волокна клейковины постепенно расслабились, высвободив внутреннее напряжение, и оно быстро станет мягким.

И действительно, как и сказал Тань Чжифэн, примерно через время, нужное для сгорания одной палочки благовоний, тесто «проснулось». Оно стало гораздо послушнее, чем раньше. Сюй Гань задумчиво произнёс:

— Это похоже на ковку железа. Раньше я слышал от отца, что после каждойковки нужно немного подождать. После нескольких цикловковки железо становится прочным, и из него можно ковать предметы.

Пока они разговаривали, из пароварки достали ещё две порции улучшенных маньтоу. Тань Чжифэн был занят некоторое время, и, прикинув, что тесто уже достаточно «проснулось», он встал и принёс заранее приготовленный мясной студень. Он смешал мясной фарш с соевым соусом, добавил немного вина и равномерно перемешал с мелко нарезанным студнем и тонкими пёрышками зелёного лука. Так была готова и начинка.

Тань Чжифэн и Сюй Гань, стоя плечом к плечу у разделочной доски, начали заворачивать мясную начинку в раскатанные лепёшки. Снаружи время от времени доносились взрывы смеха. Тань Чжифэн услышал, как кто-то сказал:

— Брат Чжан, говорят, что поспешишь — горячего тофу не поешь. А ты, я смотрю, поспешил — горячего маньтоу не поел. Ну как, обжёгся соком?

Чжочжо тут же подбежала с холодным полотенцем:

— Ай-я, господин, я же вас только что предупреждала! Наши булочки, ах, нет, следует сказать маньтоу, они ведь с бульоном внутри! Вам нужно сначала откусить кусочек и, потихоньку подув, есть!

Говоря это, она с гордостью принялась объяснять «принцип» этих танбао:

— Свежий бульон внутри мы ни в коем случае не заливаем после приготовления. Он делается из отборной... э-э... как там его...

— Из постной свинины с задней ноги и свиной кожи с живота, — сказал И-и, даже не поднимая глаз. — Посмотрю, с какого раза ты запомнишь.

— Ай-я, хе-хе-хе, — энтузиазм Чжочжо ничуть не угас. — Да, именно, из какой-то там постной свинины делают мясной студень, заворачивают в начинку, а потом, при готовке на пару, он тает и превращается в бульон! Как делать мясной студень, я не знаю, это умеет только наш хозяин!

Весёлые голоса и смех снаружи, казалось, совсем не проникали в тесное пространство задней кухни. Тань Чжифэн и Сюй Гань тихо и слаженно трудились, и вскоре на пар уже поставили новые порции танбао.

Уже стемнело, но люди, собравшиеся в таверне, всё не расходились. Ведь это было время, которое положено проводить в кругу семьи, и никому не хотелось возвращаться в свои холодные и пустые хижины, чтобы провести долгий вечер в окружении стопок книг.

* * *

— Держите его! Держите того человека!

На широкой улице недалеко от внутреннего города раздались панические крики людей и женский плач. Высокий мужчина в чёрной одежде выпрыгнул из одного из домов.

Он вскинул руку, и в небо взметнулся густой и едкий дым, который в итоге превратился в тонкие струйки белого дыма. Мужчина обернулся — под такой же чёрной маской виднелись мутные глаза. Воспользовавшись тем, что несколько слуг и вышедшие на шум соседи закашлялись от дыма, человек в чёрном снова прыгнул и исчез у них на глазах.

Тань Чжифэн как раз провожал последнюю партию гостей.

— Хозяин Тань, мы уходим, спасибо за угощение!

— Хозяин Тань, ваши маньтоу — это просто чудо столицы! Я бы сказал так: цветом белы, как яшма, а бульон — словно нектар... — с улыбкой похвалил один из них.

— Давай, я добавлю пару строк... — сказал другой. — Хм... сок свежий, начинка вкусная, невыразимо прекрасно! Невыразимо прекрасно!

— Спасибо! Спасибо! — смеясь, ответил Тань Чжифэн. — На самом деле, когда наступит сезон свежих крабов, если добавить немного крабовой икры, будет ещё вкуснее!

— Отлично, тогда мы обязательно придём попробовать эту новинку! — Мужчины плотнее запахнули свои верхние одежды и быстро зашагали прочь из Переулка Пшеничной Соломы.

Тань Чжифэн и Сюй Гань постояли немного у входа. Воздух снаружи был холодным, но свежим. Свисавшая вдоль тела рука Сюй Ганя нашла холодную руку Тань Чжифэна и сжала её. Он повернулся к нему и улыбнулся:

— Завтра... — он, казалось, хотел что-то сказать, но в этот момент они оба услышали донёсшийся издали странный звук. Они вместе подняли головы и увидели, как в бескрайнем

сине-чёрном небе зимней ночи на северо-западе собралась странная струя белого дыма. Тань Чжифэну смутно показалось, что этот белый дым сложился в какой-то иероглиф.

Взгляд Сюй Ганя снова стал острым и настороженным. Он крепче сжал руку Тань Чжифэна и, обняв его за плечи, сказал:

— Завтра мне нужно будет уйти по делам.

Тань Чжифэн отвёл взгляд от неба. Когда он снова поднял голову, серовато-белый дым уже расплылся, оставив лишь едва заметное облачко тумана.

Он на мгновение забыл, что только что сказал Сюй Гань.

— Это... что это было? — спросил он с тревогой в сердце.

Лицо Сюй Ганя помрачнело. Он похлопал Тань Чжифэна по плечу и сказал:

— Непонятно. Пойдём внутрь. Снаружи слишком холодно, а ты так легко одет.

Тань Чжифэн снова с сомнением посмотрел в ту сторону. На этот раз там действительно ничего не было.

Вернувшись в дом, они увидели Чжочжо, которая задумчиво стояла посреди комнаты, заставленной грязной посудой. И-и куда-то исчез, а Чанчан и Лин-эр, прислонившись друг к другу, дремали за маленьким столиком.

Тань Чжифэн принялся за уборку, но Сюй Гань остановил его:

— Ты иди укладывай Лин-эра спать.

— Нет... — только начал возражать Тань Чжифэн, как Сюй Гань прервал его: — Ты же говорил, что завтра нужно готовиться к приёму Чжань Чжао и остальных? Почему бы тебе не отдохнуть пораньше?!

— Ты... — Тань Чжифэн всё ещё хотел настоять на своём, но Сюй Гань уже поднял Лин-эра и вложил ему в руки. — Я же сказал, что завтра, возможно, вернусь поздно. Так что сегодня я уберусь. Завтра тебе одному принимать гостей, боюсь, будет нелегко.

Тань Чжифэн не нашёл, что возразить, и, держа Лин-эра, открыл дверь и вернулся в соседнюю комнату. Для удобства Сюй Гань проделал в стене задней кухни дверь, чтобы вечером, когда Лин-эр засыпал, его не нужно было носить туда-сюда, а можно было просто открыть эту дверь и отнести его отдыхать в соседнюю комнату.

Тань Чжифэн осторожно уложил Лин-эра и, сидя на краю кровати, некоторое время смотрел на него. В этот момент в дверях показалась голова Чанчан, которая тихо сказала Тань Чжифэну:

— Сюй... Сюй Гань велел мне тоже пойти с Лин-эром.

Тань Чжифэну наконец удалось отучить Чанчан и Чжочжо от прозвища «деревяшка Сюй», но Чанчан всё ещё не решалась называть Сюй Ганя по имени и каждый раз, говоря о нём, выглядела очень робкой.

— Хорошо, отдыхайте вы двое, а я пойду посмотрю, — Тань Чжифэн поспешил уложить Чанчан на кровать. Чанчан и Лин-эр, прижавшись друг к другу, вскоре задышали ровно и глубоко.

Глядя на Лин-эра и Чанчан, Тань Чжифэн с облегчением вздохнул. Хотя те струйки белого дыма в небе всё ещё вызывали у него беспокойство, после зимнего солнцестояния они постоянно были заняты — управляли таверной, готовились к Новому году. И хотя он ни на минуту не забывал о существовании Бо, он всерьёз не задумывался о том, когда тот может появиться снова.

Теперь, размышляя об этом, он понимал, что тот был как призрак: пока они его окончательно не победят, он никогда не исчезнет.

Тань Чжифэн вздохнул. Ему всё же было жаль оставлять Сюй Ганя одного работать в соседней комнате. Он открыл дверь и вернулся в до боли знакомую кухню. Огонь в печи всё ещё горел, большая часть посуды и столов уже была убрана. Сюй Гань, небрежно повязав на пояс свой обычный фартук, держал в руке полувлажную хлопковую тряпку.

— Почему не пошёл спать с Лин-эром и остальными? — увидев фигуру Тань Чжифэна в дверях, Сюй Гань поднял голову и улыбнулся спокойной и тёплой улыбкой. — Смотри, почти закончил.

Его улыбка принесла Тань Чжифэну необычайное умиротворение, настолько, что его даже стало клонить в сон.

— Что случилось? — спросил Сюй Гань, глядя на него, и, подойдя, снова нежно погладил его по переносице. — Быстро, иди спать.

— Я посижу здесь немного, — сказал Тань Чжифэн и подошёл к столу, за которым обычно играли Чанчан и Лин-эр, и сел.

Глядя на занятую спину Сюй Ганя, Тань Чжифэн в этот момент почувствовал, что Сюй Гань для него — это уже не простоместилище души Инлуна в одной из его жизней. Возможно... возможно потому, что на этот раз он был таким обычным человеком, и Сюй Гань больше не был каким-то знатным аристократом, они вместе начали новую, приземлённую жизнь. Впервые он почувствовал, что он и далёкий, таинственный Инлун были так равны и близки.

«Даже не так, как в прошлый раз?» — спросил голос в сердце Тань Чжифэна.

Тань Чжифэн напряжённо размышлял. Стол и стул были низковаты, и ему пришлось свернуться калачиком у жарко пылавшего камина.

— Замёрз? — Сюй Гань подошёл и поворошил слабое пламя, наблюдая, как оно постепенно разгорается всё сильнее. Тань Чжифэну становилось всё теплее, и его всё больше клонило в сон. Наблюдая, как Сюй Гань продолжает убираться, он так и заснул в полудрёме...

* * *

Когда он снова открыл глаза, то встретился взглядом с парой незнакомых, но полных удивления глаз. Лицо юноши постепенно прояснялось перед Тань Чжифэном. В ярком лунном свете его зрачки мерцали бледным янтарным светом.

— Это... защищавший меня всё это время... — пробормотал юноша, — ...дух?